

УДК 338.24 DOI: 10.14451/1.232.56

Поиск баланса национальных интересов и стратегия адекватного реагирования в строительстве и ЖКХ

© 2024 Белоус Алексей Брониславович

Доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики строительства и ЖКХ. Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.
E-mail: aleksey-@mail.ru

© 2024 Гужва Евгения Григорьевна

Доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики строительства и ЖКХ. Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет.
E-mail: 5750540@mail.ru

Ключевые слова: мировая экономика, гибкие стратегии, управленческие отношения, экономические теории, баланс интересов, конкуренция и сотрудничество.

В статье рассматривается влияние мировой экономики на отраслевую, региональную и национальную экономику. На примере строительной отрасли и ЖКХ России исследуются пути поиска необходимого баланса интересов субъектов мировой и отечественной экономики, формулируется адекватный ответ на вызовы современности. Авторы обосновывают целесообразность разработки гибких стратегий принятия управленческих решений.

В современной экономике России отчетливо проявляется тенденция осознания различными референтными группами важности своих социально-экономических интересов, ценностей и предпочтений. Общность интересов населения страны, сформированная историческим опытом, интерпретируется в научной литературе как феномен, присущий поиску баланса интересов в ответ на влияние глобализации, как усиливающийся интеграционный социально-экономический процесс. При нарастании оппортунистического поведения и санкционного давления со стороны недружественных стран актуализируется разработка стратегий, способных преодолеть по-

следствия противоречий в интересах субъектов мировой экономики и экономики России.

Распад СССР и последовавшее за ним резкое падение ВВП, побудили руководство страны избрать стратегию интеграции с мировой экономикой. В 90-х годах XX века россияне возлагали надежды на международное сотрудничество в сфере экономики и создание совместных проектов на базе общечеловеческих ценностей, искали оптимальные варианты сочетания интересов личности и государства, стремились повысить качество труда и жизни.

За короткий период резко увеличился объем

внешней торговли и приток иностранных инвестиций в страну. Усилились конкурентное давление извне на отечественное производство и социальная напряженность, связанная с дифференциацией в доходах, изменилась структура отраслевых и региональных экономик, закончилось время «мягких бюджетных ограничений» [13]. Ситуация осложнялась специфическим циклом развития мировой экономики с присутствием ему конкурентной борьбой за ограниченные ресурсы и жесткими стратегиями центров влияния. Среди этих центров – субъекты мировой экономики – государства и коалиции стран, (Соединенные Штаты Америки, Китай, Европейский Союз и др.), Международный валютный фонд (МВФ), транснациональные корпорации (ТНК) и финансовые центры (Нью-Йорк, Лондон и Токио). Эти субъекты во многом достигали успеха и подчиняли своим интересам международные экономические отношения [25], что подкреплялось соответствующими экономическими теориями, обостряя при этом конкуренцию и расширяя зоны влияния этих субъектов на вновь создаваемых рынках. Согласно статистике ООН, к середине 90-х годов было 37 тысяч ТНК и около 200 тысяч их филиалов, а в начале XXI века стало 70 тысяч первых и 850 тысяч филиалов [17, с. 101]. Наряду с этим стратегия экспансии вели финансовые структуры, и за короткий промежуток времени они увеличили до 2/3 свою совокупную долю в мировой торговле [16, с. 6].

Теоретические концепции стратегий, построенных на конкуренции, обосновывали требования не только масштабирования, роста качества и ассортимента товаров, но и снижения издержек. Следуя этим стратегиям, ТНК перемещали финансовые ресурсы в менее развитые регионы мира, открывали новые филиалы, создавали производственные мощности, которые позволяли увеличивать прибыли за счет снижения стоимости применяемых факторов преимущественно труда и материальных затрат.

В число таких регионов вошла и постреформенная Россия 90-х годов минувшего века, приняв-

шая в свою экономику немало таких ТНК. Приход этих структур происходил хаотично, поскольку отечественное законодательство не обладало на тот момент соответствующими регулирующими нормативами, что обусловило резкое падение ВВП. С 1990 по 1998 год валовый продукт России сократился наполовину, и страна попала в число мировых лидеров по отрицательному приросту ВВП. Такое падение не наблюдалось в стране даже в периоды гражданской и мировых войн.

Ситуация начала меняться в начале 2000-х, когда внешняя торговля России начала расти. Страна экспортировала металл, древесину, изделия химической промышленности и энергоносители, в основном, продукты сырьевой направленности и низкой степени переработки. При этом нефтяные доходы стали основными для национальной экономики и обеспечили к 2004 году половину прироста ВВП [18, с. 76]. Выбор стратегии, ориентированной на специализацию по добыче и экспорту топлива, обосновывался с теоретической и практической сторон. Теоретические аргументы опирались на классическую концепцию, отстаивавшую идею, согласно которой дешевизна ресурсов будет способствовать принятию решения об их экспорте [28, с. 13]. Практические аргументы исходили из достаточности природных ресурсов и желания России сотрудничать с мировым сообществом.

Мировая экономика стала превращаться в единый организм с деструктивными колебаниями, исходящими из центров одностороннего влияния, поддерживаемого федеральной резервной системой (ФРС) США. Денежно-кредитная стратегия ФРС, регулирование процентных ставок и другие меры направлялись на стабилизацию доллара США и валютных курсов, стимулирование выгодных для развитого мира инвестиционных притоков и влияли на национальные экономики других стран.

В условиях растущей взаимозависимости в экономике стала набирать силу тенденция к унификации и универсализации огромного количества норм и стандартов в промышленности, науке,

технике, экологии и даже макроэкономических институтах государства. В универсализации потребительских предпочтений важную роль начали играть кагортные группы. Так, например, в сфере потребления стала заметна «вестернизация», которая, с одной стороны, вызвала одобрение части потребителей, а с другой – отторгалась в силу действия традиционных установок общества.

Стратегиям глобализации в экономике способствовали господствующие классическая и неоклассическая экономические теории. В классике, как известно, превалирует космополитизм, и при рассмотрении экономических взаимодействий действительно имеется в виду человечество, а не нация. Например, С. Ю. Витте, считал, что классическую политическую экономию правильнее было бы назвать космополитической экономией [7, с. 143], ставящей интересы всего человечества в целом выше интересов отдельной нации или государства. Он значительно расширил влияние государства на экономику страны, инициировал введение винной монополии (1894), проведение денежной реформы (1897), способствовал строительству Сибирской железной дороги, привлекал предпринимателей к сотрудничеству с правительством в целях развития экономики страны. Что касается теоретических предпосылок проявления национального интереса, то экономическая теория имеет и другие, противостоящие неоклассике идеи экономического прогресса. Они не были популярны в отечественной науке постсоциалистической России. К ним следует отнести историческую школу Германии, истоки которой можно найти в начале XIX века.

Ссылаясь на основоположника исторической школы Германии Ф. Листа, С. Витте писал: «...самая высокая ступень ассоциации людей, которая может быть реализована – это государства, нация, самая высокая, о которой можно мечтать – человечество... Всеобщая конфедерация, основанная на могуществе и богатстве одной какой-либо нации и ведущая, следовательно, к подчиненности и зависимости всех прочих,

имела бы в результате их уничтожение и устранение международного соревнования; она нарушает интересы и оскорбляет чувства всех наций» [7, с. 149]. Учитывая возможность нарушений национальных интересов извне, когда ввоз иностранной мануфактуры и конкурентное давление препятствуют развитию страны, Ф. Лист предлагал увеличивать экономическое могущество, способствовать национальному единству укреплением таможенной системы и внутренних производительных сил.

Эгоистическое поведение в экономике как разновидность рационального экономического поведения признается в качестве варианта универсальной рациональности институциональной экономической теорией, в том числе отечественной [11; 26]. Причем разновидности такого поведения, в числе которых не только оппортунизм как «сильная форма эгоизма», но и послушание – вариант «слабой» эгоистической рациональности, предполагающей соглашательское поведение при отсутствии инициативы. Конкурентные виды такого экономического поведения присутствуют как в национальных экономиках, так и в международных отношениях.

Конкуренция в мировой экономике привела стратегии ведущих субъектов международных отношений к созданию альянсов из стран, стремящихся увеличить свое рыночное доминирование и расширить влияние. В деятельности альянсов наблюдаются как нейтральные трансакции, например, исполнение контрактов и обещаний, передача собственности посредством согласия, так и различные формы оппортунизма, в числе которых нарушение контрактных отношений, экспроприация и конфискация собственности или ее угроза, отказ от уплаты долга и даже прямой шантаж, который испытывает современная Россия.

Инструментом продавливания собственных целей альянсы используют различного рода санкции – сконструированную ими институциональную среду, в которой запрещаются виды деятельности или устанавливаются ограничения для других стран, например, для России или

Китай. Во внутренней институциональной среде для достижения целей единства альянса применяются также методы оппортунистического принуждения: «связывание рук» странам альянса общими институтами (Маастрихтский договор), «залог» как использование в качестве условия подчинения той или иной страны чего-то ценного для члена альянса, который иногда является шантажом страны-члена альянса.

Необходимо отметить, что в неоклассической экономике доминирует ограниченный подход «черного ящика», который упускает из виду организационно-экономические цепочки добавленной стоимости в производственных отношениях. Столь же серьезным упущением является то, что производство рассматривается как одномоментный процесс, в котором средства труда мгновенно преобразуются в конечные товары. Другими словами, неоклассика не учитывает многоэтапный процесс производства, разворачивающийся во времени и использующий многие циклы разделенного труда. Такие ограничения принижают важность экономической организации, рассмотрение ресурсов опирается на однородные характеристики, что искусственно упрощает координацию множества структур в процессе производства, делая ее тривиальной.

Не случайно бизнес-стратегии, следуя М. Портеру [22], использовали усиление рыночной власти как источник конкурентного преимущества в мировой экономике. Опираясь непосредственно на старую модель промышленной организации «структура-поведение-эффективность», Портер и его последователи утверждали, что стратегии позиционирования будут стремиться ограничивать соперничество путем введения входных барьеров, формирования коалиций, ограничений и ослаблять переговорные возможности поставщиков и покупателей. Принципиально другие мероприятия обосновал Уильямсон, подчеркивая, что менеджерам предстоит сосредоточиться не на увеличении своей рыночной власти, а на повышении экономической эффективности путем комбинирования структур управления. И здесь стратегии управления на-

целиваются на сотрудничество, выстраивание партнерских отношений в цепочках стоимости, желание формировать альянсы, стремящиеся к балансу интересов, а не к конфликтам.

Наряду с этим поиск баланса национальных интересов в мировой экономике побуждает обратить внимание на идеи Томаса Шеллинга, изложенные в «Стратегии конфликта» [27], которые оказали глубочайшее влияние на последующие стратегии ядерного сдерживания, контроля над вооружениями и развития других важных внешнеполитических доктрин. Идеи ученого аргументированы результатами междисциплинарных исследований международных отношений, политической науки, психологии, социологии, военной стратегии, теории управления и других общественных дисциплин. Теории стратегического поведения для взаимодействия формально равноправных участников, имеющих частично совпадающие, а частично противоречивые интересы открывают возможность их применения в динамике мировой экономики. Исходя из предшествующих рассуждений стратегии выхода из конфликта интересов между отдельными национальными экономиками и альянсами, преследующими сугубо частные интересы, следует рассматривать в общем аспекте частей единого целого, интегрированной структуры мировой экономики.

Применяемые в настоящее время стратегии социально-экономических взаимодействий облегчают сближение институционального, неоинституционального и эволюционного подходов, объединяют не только ресурсные факторы, но и новые методы упорядочивания действий субъектов экономики, применения различного рода правил для участников хозяйственной деятельности. «При этом следует ориентироваться не на искусственное копирование институциональных форм, характерных для порядков открытого доступа, а на конструирование институтов, соответствующих эволюции/трансформации естественных государств и их экономическому развитию» [9]. Строительство адекватной институциональной среды, в ответ на угрозы недруже-

ственных альянсов, продвигает национальные экономические интересы, стабилизирует ответственную экономику, повышает влияние страны на мировое хозяйство и демонстрирует стратегию асимметричных, во многом упреждающих ответов на изменение целей мировых игроков.

Несмотря на возможные расхождения в целевых ориентирах, наступает консенсус мнений в придании современным стратегиям гибкости. Возрастают потребности в соответствующих адаптациях и адекватной управляемости в ответ на угрозу негативных изменений в мировой экономике, которые обуславливают корректировку мероприятий по достижению целей национальной экономики. О необходимости смены стратегии «... приносившей успех в прошлом, но затем ставшей проигрышной» справедливо упоминается в научных работах [24]. Сменить стратегию стало важно, когда национальная экономика страны столкнулась с масштабными санкциями. Произошло сжатие внешнего и внутреннего спроса, возникли ограничения на импорт и экспорт. Соответственно федеральная власть внесла корректировки в стратегии управления, увеличила средства на оборону страны, предотвратила отток капитала, стабилизировала финансовые рынки, способствовала развитию параллельного импорта, обеспечила поддержку малоимущих семей с детьми и увеличила инвестиции в наращивание человеческого капитала, что придало черты гуманизации управленческим отношениям и нацелило юридические и физические лица на созидательную деятельность.

О возможности ускорения экономического развития на основе учета национальных интересов писал и российский экономист В. Т. Рязанов: «И если надеяться на «экономическое чудо», то произойдет оно не на основе абстрактных общечеловеческих ценностей, как это еще недавно мыслилось. Мировой опыт и наша история свидетельствуют о преобладании в ускорении экономического прогресса национальных истоков (курсив наш), которые как раз и позволяют укрепить энергию народа, опереться на его

созидательную самодеятельность» [23, с. 781].

Созидательная деятельность народа обеспечивается гибкими стратегиями, нацеленными на выработку национальных приоритетов и программ для совместной деятельности публично-частных структур, на создание благоприятных контекстов и гармоничное развитие общественно значимых отношений. Этому способствует пересмотр экономической логики, встроенной в исторический, социальный, политический и культурный контексты. Освещая стратегии управления по созданию цепочек стоимости в отраслевых и региональных отношениях национальной экономики, следует учитывать работу ученых в междисциплинарных исследованиях.

Современная мировая экономика переплетена длинными цепочками создания стоимости, подвержена растущему взаимовлиянию от воздействий решений, исходящих из множества центров национальной экономики. Стратегии федеральной власти по созданию благоприятной институциональной среды исключают патернализм и участие государства в операционной бизнес-деятельности. При этом упомянутые стратегии нацелены на справедливое сохранение и поддержание различных культурных особенностей и малых языков народов России. Несмотря на требования, предъявляемые к гибкости стратегий и их адаптивности к ситуативным условиям, наша страна не только сохраняет исторические особенности народов и считает их важной составляющей нашей единой общности. Стратегии ориентированы на укрепление суверенитета страны, ценовые взаимоотношения, подотчетные трансферты, публично-частные партнерства, социальную защиту малообеспеченного населения и на увеличение инвестиций в человеческий капитал [1].

Во внешней среде национальные интересы страны предполагают адаптацию к волатильности мировой экономики и выстраивание гибких стратегий, которые, возможно, раньше не рассматривались или откладывались в долгий ящик. Эти стратегии предусматривают ситуативные

корректировки целей, пересмотр цепочек создания стоимости, смену технологий и моделей присутствия на международном рынке, а также выстраивание гибких конфигураций с новыми стейкхолдерами. Другими словами, необходим отклик на изменяющиеся условия институциональной среды, ограниченные возможности и растущие потребности стейкхолдеров мировой экономики. Этот отклик обеспечивается согласованной координацией интересов стейкхолдеров в гибких стратегиях различных отраслевых и региональных экономик.

Согласованная координация выявлена нами при рассмотрении стратегий управления национальной экономикой страны, строительной сферой и ЖКХ. Национальные интересы в мировой экономике и интересы социальных групп, региональных экономик в строительстве и ЖКХ схожи стратегиями управления. Мероприятия в этих стратегиях содержат планирование и прогнозирование, ресурсные ограничения и управление рисками. Учитываются в них также сотрудничество и конкуренция, проектное управление, множество «рассеянных знаний» и противоречивых интересов в координации цепочек создания стоимости. Аналогично, национальные интересы в мировой экономике также требуют координации действий между государственными структурами, национальными и транснациональными компаниями для достижения экономических целей.

Указанные выше аналогии показывают, что и в отраслевой экономике, строительстве и ЖКХ требуется гибкость стратегий управления, которые будут учитывать множество противоречивых интересов и стремиться к гармонизации деятельности. К тому же, строительная сфера является значительным источником социально-экономической активности, создает рабочие места, стимулирует спрос и предложение и способствует росту ВВП.

Стратегии управления в строительстве и обслуживание инфраструктуры, такой как мосты, порты, автомобильные и железные дороги, улучшает логистику и транспортные связи, что способ-

ствует мировой торговле и инвестициям, укрепляет глобальную экономическую интеграцию национальных экономик. Строительная сфера для этого привлекает как национальные, так и международные инвестиции, что способствует обновлению капитала, технологическому прогрессу и инновациям. Наряду с этим строительство и обслуживание промышленных и гражданских объектов предоставляет пространство для жизни и бизнеса. Строительная сфера чувствительна к мировым экономическим циклам: в периоды роста увеличивается спрос на строительство объектов недвижимости, в то время как в период спада активность снижается.

Стратегии управления в строительстве учитывают колебания в процессах урбанизации и глобализации. Они отражают потребности регионов в инфраструктуре, социальных и бизнес-объектах недвижимости. Все это влияет на экологию и устойчивое развитие, что важно и для глобальных экономических тенденций, и для политики в области окружающей среды, способствует дальнейшему экономическому росту и интеграции в мировую экономику. По сути, стратегия управления становится ситуативной, способной быстро адаптироваться и принимать гибкие решения, с учетом глубокого понимания изменений в институциональной среде, использовать возникающие возможности и минимизировать потенциальные риски.

Гибкие стратегии управления в строительстве играют ключевую роль в усилении или сглаживании динамики мировой экономики, влияя на множество аспектов – от занятости до инфраструктурного развития и экологической устойчивости. Эти стратегии, с одной стороны, обеспечиваются институциональной средой национальной экономики, с другой – опосредованно участвуют в формировании институциональной среды на глобальном уровне при учете процессов адаптации и состояний управляемости.

Гибкие стратегии «обеспечения управляемости предпринимательских структур» [2] используются в строительстве и ЖКХ, участвуют в преодолении негативных тенденций вызванных уходом

с национального рынка стратегических поставщиков и ограничения доступа к мировым рынкам. Федеральная власть регулирует институциональную среду для этих сфер деятельности. В итоге строительство и ЖКХ предполагают взаимодействия бизнеса в 85 субъектах, в более чем 1200 районных и около 44000 местных муниципалитетах. «При этом российские регионы сильно различаются по численности и составу населения, бюджетной обеспеченности, природным условиям и т. д., что определяет необходимость индивидуализировать величину и структуру расходов» [8]. Существующие отраслевые и региональные особенности приводят к взаимозависимости индивидуальных конфигураций множества публично-частных стратегий при возведении и обслуживании инфраструктурных проектов и объектов недвижимости. Взаимозависимость подразумевает тот факт, что результат отдельного воздействия зависит от того, как воздействуют другие, в том числе, (сознательно или бессознательно) реагируют на совокупность циркулирующих взаимодействий.

Строительство предполагает серьезную подготовку с целью взаимодействия во времени и пространстве множества центров принятия решений. Эти центры интегрируются в вертикальные и горизонтальные структуры. Аналогичные взаимозависимости проявляются и в мировой экономике, в которой преобладают горизонтальные взаимозависимости между странами. При этом каждая отдельная национальная экономика преимущественно вертикально интегрирована. Все это приводит к сложностям в создании и реализации стратегий, обеспечивающих согласованность баланса частных и общественных интересов подобно «игре с ненулевой суммой». Согласованность координации множества центров предполагает прогнозирование многих экономических, социальных и политических состояний, где участники могут конфликтовать, конкурировать или сотрудничать.

Преодолевая возможную рассогласованность в координации множества центров взаимодействий, Правительство РФ утвердило Стратегию

развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года. Принятая регулятором стратегия стала целевым ориентиром взаимодействий федеральных, региональных, муниципальных и бизнес-структур в сферах строительства и ЖКХ, что позволило создать благоприятную институциональную среду для взаимовыгодной деятельности стейкхолдеров и пресечения оппортунистического поведения. В национальной экономике нашей страны институциональная среда опирается на конституцию, различные законы, порядок участия в управлении предприятиями, в развитии предпринимательства, в усилении ответственности за причиненный ущерб, а также учитывает исторически сложившиеся моральные и культурные стандарты поведения.

Стратегии управления в строительстве и ЖКХ открывают новую возможность интегрирования разделенного труда субподрядчиков с узкой специализацией и различными профессиональными знаниями при помощи ценообразования [6]. Деятельность заказчиков, подрядчиков, поставщиков, клиентов, государственных и местных органов власти, домохозяйств и социальных организаций предполагает различные ценовые взаимодействия, построенные как на конкуренции, так и на сотрудничестве. Производительность таких взаимодействий достигается исключительно посредством регулирующих обязательств заинтересованных сторон, поиском балансов между их интересами и общественными целями.

В институциональной среде стейкхолдеры осуществляют селекцию привлекательных условий и по ценовым сигналам объединяются в согласованную ими конфигурацию вокруг жизненных циклов объектов недвижимости. Стратегии управления в региональных и отраслевых экономиках включают в себя предпринимательскую способность хеджировать риск, предвидеть долгосрочные последствия принимаемых решений, нести «ответственность» [12]. Предприниматели готовы инвестировать денежные и временные

ресурсы в выполнение взятых обязательств, способны управлять тем, что им поддается, а также адекватно реагировать на неконтролируемое, обеспечивая в будущем согласованные социально-экономические цели. Такая гибкая стратегия предполагает многомерный учет темпоральных связей между прошлым, настоящим и будущим, что приобретает особую важность в кризисные периоды и может стать ориентиром для выхода из них и в более глобальном масштабе. Каждый центр принятия самостоятельных решений на основе прошлого стремится управлять будущим и адекватно реагировать на изменения.

Гибкая стратегия с многомерной фиксацией «времени как особого экономического ресурса» [5] также необходима, поскольку институциональная среда для ведения бизнеса в строительстве и ЖКХ специфична в региональных и муниципальных экономиках. Вследствие этого бизнес-структуры подбирают индивидуальные конфигурации для возведения и реконструкции промышленных и гражданских объектов, участия в инфраструктурных проектах и обслуживании жилищного фонда и коммунальной инфраструктуры. Реализация стратегических проектов в этих сферах в силу высокой ответственности предполагает монополизацию в принятии решений в руках хорошо зарекомендовавших себя предпринимателей, вокруг которых на основе ценовой привлекательности интегрируются конкурирующие юридические и физические лица.

Заслуживает внимание концепция поиска баланса интересов, которая объединила три фактора, «конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью» [21]. Так, например, стратегии управления в строительстве и ЖКХ на основе конкуренции выбирали цели, ресурсы и мероприятия исходя из ценовых сигналов, поступающих из институциональной среды, что способствовало быстрому росту экономики при обострении противоречий интересов различных персонифицированных групп. Сотрудничество различных структур создавало благо-

приятную среду согласования индивидуально-общественных целей для обмена знаниями, информацией и опытом, что развивало цифровые технологии [3].

Академик РАН В. Полтерович также обосновал, что «наиболее предпочтительной является стратегия позитивного (ненаправленного против третьих лиц) сотрудничества, предусматривающая в качестве первого шага формирование институтов догоняющего развития: корпоративистскую систему управления, индикативное планирование...». Позитивная стратегия предполагает создание различных типов консорциумов, частно-государственных партнерств с проектным финансированием и сокращением неравенства. Россия способна скоординировать рыночную экономику с высоким уровнем социальной ответственности, ростом благосостояния, коллаборативными преимуществами и войти в группу наиболее успешных стран [20].

В контексте применения гибких стратегий управления в строительстве и ЖКХ развиваются партнерства публично-частных структур, совмещаются конкурентные цели и цели сотрудничества у стейкхолдеров. Неоклассическая теория предполагает максимизацию прибыли и ориентацию деятельности бизнес-структуры на удовлетворение интересов своих владельцев, повышение эффективности за счет оптимизации и конкуренции. За счет участия в стратегических проектах им удается обеспечивать достаточно хороший старт, но впоследствии их конкурентные возможности затухают по причине неудовлетворенности стейкхолдеров. Неоавстрийская экономическая школа рассматривает экономические цели шире, представляя общество как согласованную деятельность и сотрудничество [14]. И если раньше австрийская школа за идеи невмешательства государства и методологический индивидуализм подвергалась серьезной критике, то теперь приходит понимание, что речь идет о неблагоприятных исходах при вмешательствах власти в операционную деятельность, которые приводят к мягкости бюджетных ограничений и потере экономической восприимчиво-

сти у лиц, принимающих решения. Как отмечают отечественные ученые, «австрийская экономическая школа в качестве исходного методологического основания имеет институциональный индивидуализм, а не строгий методологический индивидуализм. Для нее не характерно видение человека как пресловутого *homo economicus*. Австрийская школа признана частью современного институционализма, исторические корни которого уходят к трудам ее основателей. Это обусловлено присущим австрийской школе фокусированием внимания на индивидуальном обмене (каталлактике), который нуждается в хороших институтах, а не на аллокации ресурсов. При этом особо выделяются неформальные институты (убеждения, традиции), определяющие смысл человеческой деятельности» [10].

Стратегии управления публичной властью нашей страны выстраивают цепочки создания ценностей, само государство становится предпринимательским [15]. Запрещается вмешательство в операционную деятельность и смещается груз ответственности на предпринимателей, что, по сути, соответствует подходам австрийской экономической теории [4]. Как следствие приняты законодательные меры, усиливающие административную и уголовную ответственность за неуплату налогов, нарушения безопасных условий труда, экологии и прочее [19].

Конкретные действия бесчисленных национальных, отраслевых, региональных экономик во всем своем многообразии удерживаются в институциональных рамках и обеспечиваются надежной согласованностью целевых ориентиров и взаимными обещаниями. Целевые ориентиры взаимосвязаны и обоснованы различными экономическими теориями, управленческими концепциями, системной парадигмой и многими междисциплинарными исследованиями.

Как нам представляется интеграция экономических теорий, школ управленческой мысли

и междисциплинарные обсуждения будут способствовать имплементации гибких стратегий на пути дальнейших успехов России. Гибкие стратегии управления предполагают бережное отношение к ископаемым и добываемым ресурсам, экологической безопасности и укреплению суверенитета страны, созданию условий для качественной жизни и работы, повышению уровня человеческого капитала. Инвестиции в систему образования также становятся здоровой стратегией.

Воздействие мировых взаимосвязей на национальную, отраслевую и региональную экономику становится очевидным, но, как правило, по-прежнему «внимание обращают на механизм управления существующими структурами, тогда как проблема кроется в механизме их создания и разрушения» [29]. Осознавая взаимосвязь целого и частей, особую роль следует отводить деятельности предпринимателей-интеграторов разделенного труда – обеспечивающих новый порядок, экономический прирост и общественное развитие постоянными соглашениями за счет созидательного разрушения прежней устойчивости. Предложенная гибкая стратегия адекватного реагирования открывает возможности по согласованию противоречивых интересов стейкхолдеров в международных проектах. Мы отдаем себе отчет в том, что при масштабировании уровней экономики усложняется детализация интересов различных субъектов, возрастают и динамические сложности взаимодействий.

В заключение отметим, что баланс между национальными интересами других государств и Россией предполагает согласованную координацию гибких стратегий адаптивности и управляемости в условиях динамичного контекста международных отношений. Как нам представляется, необходимы междисциплинарные дискуссии в поиске гармонизации социально-экономических интересов всех акторов мировой экономики.

Библиографический список

1. Белоус А. Б. Актуальные концепции развития образования как базис устойчивого роста человеческого капитала для национальной экономики // Экономика и предпринимательство. – 2024. – 1 (162). – С. 144–148.
2. Белоус А. Б. Обеспечение управляемости предпринимательских структур в строительстве. – 0209.
3. Белоус А. Б. Цифровые технологии в строительстве и их роль в трансформации социально-экономической системы // Международная научно-практическая конференция «Архитектура. Строительство. Транспорт. Экономика». СПбГАСУ. – Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2023 г.
4. Белоус А. Б., Васильева М. А. Стратегия обеспечения управляемости бизнес-структур в строительстве и ЖКХ // Стратегическое планирование и развитие предприятий : материалы XXV Всероссийского симпозиума. Москва, 09–10 апреля 2024 г. – М. : ЦЭМИ РАН, 2024.
5. Белоус А. Б., Панибратов Ю. П. Концепция времени как особого экономического ресурса в строительной сфере // Экономические науки. – 2024. – № 2.
6. Васильева М. А. Анализ возможностей ценообразования в строительстве: проблемы и перспективы // Экономика и предпринимательство. – 2024. – № 2.
7. Витте С. Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист // Вопросы экономики. – 1992. – № 2. – С. 143–160.
8. Гурвич Е. Т., Краснопеева Н. А. Формирование структуры расходов региональных бюджетов // Вопросы экономики. – 2024. – № 1. – С. 5–32. – DOI: [10.32609/0042-8736-2024-1-5-32](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-1-5-32).
9. Деметьев В. Е. Факторы цикличности радикальных инноваций // Эволюция экономической теории: воспроизводство, технологии, институты : Материалы X Международного Симпозиума по эволюционной экономике и Методологического семинара по институциональной и эволюционной экономике. – СПб. : Алетейя, 2015. – С. 55–65.
10. Заостровцев А. П., Матвеев В. В. Австрийская экономическая школа: фундаментальные принципы, методология, институциональный анализ и перспективы // Вопросы экономики. – 2024. – № 2. – С. 67–83. – DOI: [10.32609/0042-8736-2024-2-67-83](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2024-2-67-83).
11. Институциональная экономика: Новая институциональная экономическая теория : Учебник / под ред. А. А. Аузана. – 2-е изд. – М : Инфра-М, 2011. – 447 с.
12. Кантильон Р. Опыт о природе коммерции : общие вопросы / пер. О. И. Ананьина. – М. : Издательство Института Гайдара, 2024. – 464 с.
13. Корнаи Я. Дефицит. – М. : Наука, 1990. – 608 с.
14. Л. Фон Мизес. Человеческая деятельность : Трактат по экономической теории / пер. с англ. Социум. – 3-е изд. – Москва, Челябинск, 2023. – 1004 с.
15. Маццукато М. Предпринимательское государство: Развеем мифы о государстве и частном секторе / пер. с англ. М. Добряковой. – М. : Издательство дом Высшей школы экономики, 2023. – 360 с.
16. Мировая экономика и международные экономические отношения : учебное пособие / под ред. Е. Г. Гужвы. – СПб. : СПбГАСУ, 2014. – 176 с.
17. Нухович Э. С. Современная мировая экономическая система (Спецкурс) // Российский экономический журнал. – 1996, – № 8. – С. 100–106.
18. Оболенский В. П. Внешняя торговля России: темпы сверхвысокие, товарное наполнение прежнее // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 1. – С. 76–87.
19. Пенкин П. В. Схемы больше не работают. – М. : Проспект, 2020. – 176 с.
20. Полтерович В. М. Закат общества конкуренции и стратегия социально-экономического развития России // Экономика России и мира в эпоху смены мирохозяйственных укладов: теория, методология, практика. Сборник тезисов докладов участников XV Пущинского симпозиума по эволюционной экономике. – М., 2023.
21. Полтерович В. М. Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Часть 1. Семерка европейских лидеров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Том 15. – 2022. – № 2. – С. 31–43.
22. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов / пер. с англ. И. Миневрина. – М. : Альпина Диджитал, 2016. – 603 с.
23. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. – Санкт-Петербург : Наука, 1998. – 796 с.
24. Сиванатан Н., Вермюлен Ф. Не цепляйтесь за плохую стратегию. – URL: <https://big-i.ru/management/strategiya/776107> (дата обр. 25.02.2024).
25. Ситуация в мировых экономических центрах и взаимодействие с ними Республики Беларусь. – URL: https://economics.basnet.by/files/Analit_2.pdf (дата обр. 09.03.2024).
26. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая контрактация». – СПб. : Лениздат; CEV Press, 1996. – 702 с.
27. Шеллинг Т. Стратегия конфликта / пер. с англ. Ю. Кузнецова. – 3-е изд. – Москва; Челябинск : Социум, 2020. – 369 с.
28. Шишков Ю. В. Эволюция теорий международного разделения труда // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 2. – С. 13–18.
29. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия [Текст]. – М. : Эксмо, 2007. – 864 с.